

Особенности системного подхода к комплексному лингвистическому и психологическому исследованию объектов судебной экспертизы

 Д.В. Бердников

Федеральное бюджетное учреждение Курская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Курск 305000, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются методологические особенности применения системного подхода в комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизе информационных материалов. На основе синтеза положений концепции саморегуляции произвольной активности О.А. Конопкина и положений о стадиях вербализации осмысления положения дел при исследовании экстремистских материалов О.В. Кукушкиной и Ю.А. Сафоновой (2011) обоснована интеграция лингвистических маркеров дискурса в психологические регуляторные блоки коммуникативного поведения. Показано, что переход от дескриптивного анализа к динамической реконструкции интенциональных структур автора сообщения повышает методологическую целостность комплексной экспертизы. Применение принципов системного подхода в качестве методологического каркаса, в свою очередь, гарантирует четкую соотнесенность результатов психолого-лингвистической экспертизы с системой правоприменения, обосновывает общность психологического и лингвистического компонентов в рамках комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы и обеспечивает интеграцию специальных знаний, необходимую для глубокого анализа информационного материала как динамической системы регуляции коммуникативного поведения субъекта. С опорой на модели взаимодействия специальных знаний (последовательная, параллельная, последовательно-параллельная) предложен алгоритм синтеза результатов психологического и лингвистического исследования, включающий процедуру верификации расхождений, минимизирующий риск противоречивых или необоснованных выводов. Показано, что использование принципов системного подхода обеспечивает научно-методическую обоснованность выводов экспертов и их доказательственную устойчивость в правоприменительной практике при расследовании дел о так называемых речевых или коммуникативных правонарушениях.

Ключевые слова: *системный подход, методология судебной экспертизы, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, информационный материал, интеграция специальных знаний, коммуникативное воздействие*

Для цитирования: Бердников Д.В. Особенности системного подхода к комплексному лингвистическому и психологическому исследованию объектов судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2026. Т. 21. № 2. С. 6–16.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2026-2-6-16>

Features of Systematic Approach to Complex Linguistic and Psychological Examination of Forensic Examination Objects

 Dmitry V. Berdnikov

Kursk Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kursk 305000, Russia

Abstract. This article considers methodological features of applying the systematic approach to complex forensic psychological and linguistic examination of information materials. Drawing on a synthesis of O.A. Konopkin's concept of self-regulation of voluntary activity and the provisions on the verbalization stages of understanding the state of affairs in the study of extremist materials by O.V. Kukushkina and Yu.A. Safonova (2011), the integration of linguistic discourse markers with the psychological regulatory blocks of communicative behavior is substantiated. It is demonstrated that the transition from descriptive analysis to dynamic reconstruction of intentional structures of the author's message increases the

methodological integrity of complex examination. The application of the systematic approach principles as a methodological framework, in turn, guarantees a clear alignment between psychological and linguistic examination results and the law enforcement system, substantiates the commonality of psychological and linguistic components within the framework of a complex psychological and linguistic forensic examination and provides special knowledge integration necessary for an in-depth analysis of the information material as a dynamic system regulating the subject communicative behavior. Based on patterns of special knowledge interaction (sequential, parallel, sequential-parallel) an algorithm for synthesizing psychological and linguistic examination results is proposed, including the discrepancy verification procedure designed to minimize the risk of contradictory or unfounded conclusions.

It is outlined that application of systematic approach principles ensures the scientific and methodological validity of expert conclusions and their evidentiary stability in law enforcement practice when investigating cases of the so-called speech or communication offenses.

Keywords: *systematic approach, forensic examination methodology, complex psychological and linguistic examination, information material, integration of special knowledge, communicative influence*

For citation: Berdnikov D.V. Features of Systematic Approach to Complex Linguistic and Psychological Examination of Forensic Examination Objects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2026. Vol 21. No. 2. P. 6–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2026-2-6-16>

Введение

Актуальность совершенствования методологической базы комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы (КПЛСЭ) обусловлена требованиями статей 4 и 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (последняя редакция), закрепляющими принципы объективности, всесторонности и полноты исследований на базе общепринятых научных данных [1]. Одним из ключевых методологических оснований современных экспертных исследований является «системный подход» [2]. В его рамках любые объекты, в том числе поликодовые информационные материалы, рассматриваются не как изолированные феномены, а как целостность взаимосвязанных элементов, функционирующих в определенных условиях для достижения конкретного результата, то есть как система. Применение данного подхода в комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизе позволяет преодолеть фрагментарность анализа, минимизировать риск экспертных ошибок и обеспечить научно обоснованное синтезирование результатов [2].

Теоретико-методологические основы системного взгляда в науке заложил Людвиг фон Берталанфи, сформулировавший «Общую теорию систем». В ее рамках система определяется как комплекс взаимодействующих элементов, обладающий рядом фун-

даментальных свойств: 1) «целесообразность» (телеологичность) – подчиненность элементов достижению системообразующего результата; 2) «структурность» – наличие устойчивых связей и отношений между элементами; 3) «эмерджентность» (интегративность) – появление новых качеств на уровне системы, не сводимых к сумме свойств отдельных элементов; 4) «целостность» – неразрывность функционирования системы в заданных условиях; 5) «иерархичность и организованность» – система одновременно содержит подсистемы и встраивается в суперсистему более высокого порядка. Соответственно, любой объект как система представляет собой сочетание структуры, функции и содержания, а если это живой объект, то в эту систему добавляется «принцип саморегуляции функций на основе обратной связи» [3].

В отечественной науке системные принципы получили развитие в физиологии, психофизиологии и теории деятельности [4–7]. Теория функциональных систем П.К. Анохина показала, что элементы системы взаимодействуют для достижения полезных приспособительных результатов, а все функциональные системы обладают принципиально единой центральной архитектурой, реализуемой через принципы иерархического доминирования и мультипараметрического взаимодействия [5]. Свое развитие она получила в концепции системного квантования поведения К.В. Суда-

кова, согласно которой жизнедеятельность рассматривается как последовательность дискретных системных единиц – системоквантов, направленных на удовлетворение потребностей [6]. В психологии системный подход наиболее полно раскрыт в концепции саморегуляции произвольной активности О.А. Конопкина [7].

Согласно данной модели, человеческая деятельность организуется через четыре функциональных блока: 1) «цель» – информация о предмете потребности, задающая направленность активности; 2) «модель значимых условий деятельности» – выделение условий, необходимых для реализации программы действий; 3) «программа (план) действий» – информация о последовательности, способах и динамике операций; 4) «система критериев» – характеристики результата, оцениваемые субъектом как соответствующие цели. Соответственно, человек может рассматриваться как иерархия взаимодействующих систем, от анатомии до психологии, встроенных в систему более высокого уровня – социальное взаимодействие/коммуникацию, происходящую в некоем контексте. Именно принцип иерархического доминирования систем является методологической основой для формирования представления об объектах судебной экспертизы, затрагивающих поведение и речевую деятельность.

Применение системного подхода в судебной экспертизе обосновано в работах М.С. Кагана, Ю.Г. Корухова и Л.Г. Эджубова [8–10]. В них объект экспертизы рассматривается как сложная система, характеризующаяся иерархически упорядоченной структурой взаимосвязанных свойств и признаков, обладающих устойчивостью, информационной значимостью и диагностической ценностью. А.И. Усов, Е.С. Карпущина и В.О. Кузнецов выделяют пять основных направлений применения системного подхода в судебной экспертизе [2]: 1) разработка теории судебной экспертизы; 2) создание экспертных методик и методов; 3) организация производства судебных экспертиз; 4) производство экспертиз на основе руководящих методологических принципов; 5) исследование объектов, представляющих собой сложные системы. Однако на практике последнему направлению уделяется недостаточно внимания, хотя именно в комплексных экспертизах эксперты регулярно сталкиваются с многокомпонентными объектами. Отсутствие системного взгляда,

особенно на стыке дисциплин, ведет к методологическим ошибкам, дублированию или противоречию выводов, а в отдельных случаях – к необоснованным заключениям.

Целью настоящей работы является уточнение особенностей применения системного подхода к психолого-лингвистической судебной экспертизе информационных материалов, реализуемого в научной школе ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России.

В контексте комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы системный подход раскрывается через три взаимосвязанных аспекта: место заключения эксперта в системе правоприменения; взаимосвязь психологического и лингвистического исследований в рамках экспертизы; психолого-лингвистический анализ информационного материала как системы.

Место заключения эксперта в системе правоприменения

КПЛСЭ не является автономным познавательным актом, а представляет собой подсистему в структуре судебного доказывания, в которой системообразующим результатом выступает установление состава правонарушения. Юридические понятия и признаки, закрепленные законодателем, – состав правонарушения, субъективная сторона деяния (умысел, вина, мотив, цель), психическое состояние субъекта – в данном случае выполняют роль «доминанты» по отношению к экспертизе, «формируя потребность» в специальных знаниях. При этом эксперт работает не с правовыми категориями напрямую, а с их психологическими и лингвистическими коррелятами. Как отмечает Ф.С. Сафуанов, именно трансформация юридических категорий в экспертологические позволяет ставить юридически значимые экспертные задачи, определять предметный профиль экспертизы и обеспечивать научную состоятельность выводов [11].

Таким образом, опираясь на системный принцип иерархического доминирования, отношение экспертизы к правоприменению можно рассматривать как включенность систем на трех уровнях. На высшем уровне – система правоприменения, имеющая целью установление истины по делу, правовую оценку деяния, определение ответственности. На среднем – комплексная экспертиза, дающая научно обоснованные выводы о признаках коммуникативного

воздействия, интенциональности, направленности информации. Низший уровень в данном случае представляют отдельные дисциплинарные исследования, выявляющие лингвистические маркеры, психологические признаки намерений и т. д. Каждый уровень сохраняет относительную самостоятельность, но функционирует ради достижения результата вышестоящего уровня, а в конечном счете приводит к решению задач правоприменителя. Это исключает как «правовизацию» экспертного анализа, когда эксперт подменяет правоприменителя, давая правовую квалификацию, так и «дисциплинарную изоляцию», когда выводы не соотносятся с задачами доказывания и остаются внутри научных категорий.

Кроме того, заключение эксперта рассматривается правоприменителем не как абсолютная истина, а как один из элементов доказательственной системы, оцениваемый в совокупности с иными доказательствами, что в системном подходе соответствует принципу мультипараметрического взаимодействия и направлено на обеспечение соблюдения принципа состязательности сторон в судопроизводстве.

Взаимосвязь психологического и лингвистического исследования

В некоторых исследованиях разделяются комплексный и системный подход отмечая, что первый больше связан с категорией объекта экспертного исследования, а второй – с организационно-методическим аспектом. Это обосновывается тем, что в комплексном подходе акцент переносится с познания объекта на организацию познавательной деятельности [2]. На наш взгляд, и в первом, и во втором случае системообразующим фактором является получение объективных выводов эксперта, для чего необходима всесторонность, полнота и соответствующая организация исследования. Следовательно, как способы анализа объектов, так и варианты интеграции знаний при формировании выводов в соответствии с принципом иерархического доминирования являются лишь соподчиненными разноуровневыми системами.

Применительно к КПЛСЭ ключевым является понимание коммуникативной деятельности как сложной системы, образованной множеством взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, подчиненной реализации намерений (целей)

автора [12]. Это означает, что речевая деятельность выступает лишь элементом поведения, демонстрируемого в конкретной ситуации и социально-психологическом контексте. Соответственно, всесторонний анализ информационного материала предполагает применение междисциплинарного подхода. В нем психологическое исследование должно раскрывать регуляторные механизмы порождения сообщения, закономерности его восприятия и влияния, тогда как лингвистическое – фиксировать материальное воплощение этих механизмов в знаковых системах. Следовательно, с системных позиций лингвистическое исследование должно рассматриваться как основа и подчиненная система для психологических гипотез о содержании, структуре и направленности коммуникативной активности субъекта правоприменения. При этом, если на организационно-методическом уровне модели интеграции психологических и лингвистических знаний в рамках КПЛСЭ уже раскрыты в работах Т.Н. Секераж [12, 13], то механизмы интеграции междисциплинарных знаний на уровне системного анализа информации требуют дополнительного внимания.

Психолого-лингвистический анализ информационного материала как системы

Системный анализ информационных материалов представляется целесообразным выстраивать с позиций рассмотрения речевой деятельности [14] и коммуникативного поведения [15] как системно-организованного процесса на базе концепции саморегуляции произвольной активности О.А. Конопкина [7]. При этом коммуникативное поведение можно представить как реализацию двух регуляторных систем деятельности: автора / субъекта правонарушения и адресата. Оно проявляется в коммуникативной ситуации, задающей системообразующий контекст. В нем автор, воздействуя информацией, стремится оказать влияние на работу четырех интегративных функциональных блоков регуляции активности адресата, составляющих мезоуровень его когнитивных способностей: 1) цель, организующая все его поведение; 2) модель значимых условий; 3) планирование промежуточных результатов; 4) программа действий и система критериев оценки конечного результата (рис.).

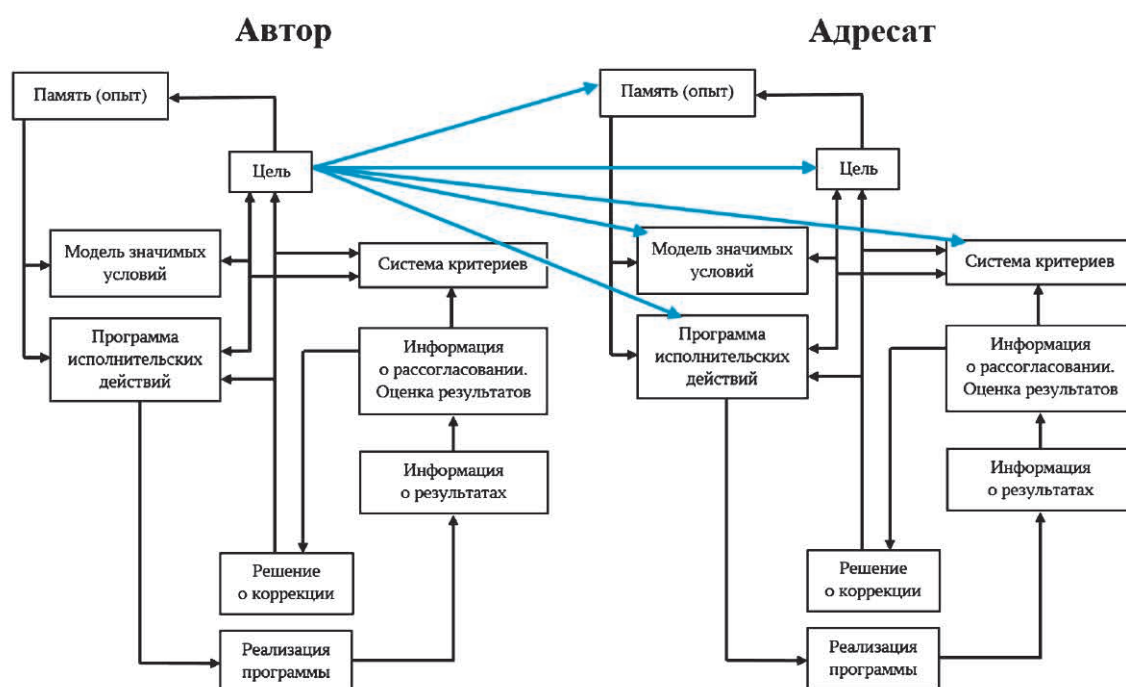

Рис. Схема воздействия на систему саморегуляции психической активности субъекта (адресата)
Fig. Scheme of influence on the system of the subject (addressee) mental activity self-regulation

При этом он часто маскирует истинную собственную цель под декларируемую. В то же время явно выраженные цели, с одной стороны, могут иметь самостоятельное значение, а с другой – служить механизмом достижения или имплицитно содержать другие. Например, выявленные в материале коммуникативные цели «угрозы» или «унижения» используются автором для «возбуждения вражды», которая, в свою очередь, может быть подчинена цели «призыва к насилию». Для выявления соподчиненности целей необходим перехода от лингвистического описания к глубинному психологическому анализу.

Исходя из этого, системный анализ информационного материала и заложенных в него методов влияния на адресата раскрывается через постановку операционализирующих вопросов (вопросов для практического анализа) (таблица) и поиск ответов на них.

В свою очередь, проведенный в такой форме анализ позволяет вскрыть намерение автора, то есть получить ответ на вопрос: «Зачем автор этого хочет?». Данный подход не противоречит традиционной трехкомпонентной модели анализа (тема – отношение – цель) и теории социальной установки для экспертов системы судебно-экспертных учреждений Минюста России.

Он расширяет ее, встраивая в динамическую модель регуляции психической активности, и позволяет перепроверять полученные результаты.

Приведем следующий пример. Объект представляет собой демотиватор, состоящий из фотографии с изображением процесса голосования членами Госдумы и текста под фото: «Госдума отклонила проект о распределении между гражданами части доходов от недр. Самим мало...». Демотиватор содержит комментарий «Владимира Монины»: «*Варье все не нажраться негодяи! Зачем мне эти уроды! Зачем мне эта власть! Пора за обрез браться и отстреливать их! Да это призыв, не уважение к этому вору!*».

Автор информирует адресата о том, что (кто?) депутаты государственной думы (что сделали?) не приняли законопроект, предусматривающий распределение между гражданами страны доходов от добычи полезных ископаемых. Он объясняет это (почему?) их жадностью и воровством («*Варье все не нажраться негодяи!*»), а также выражает к ним и их действиям (как относится?) эмоционально негативное отношение и утверждает их ненужность («*Зачем мне эти уроды! Зачем мне эта власть!...*», «*...не уважение к этому вору!*»). Данное описание / моделирование условий существования

Таблица. Соотношение функциональных блоков регуляции активности и элементов трехкомпонентного психологического анализа информационных материалов
Table. Correlation of functional blocks of activity regulation and elements of a three-component psychological analysis of information materials

Функциональные блоки системы	Вопросы для практического анализа	Элементы трехкомпонентного анализа и установки
Модель значимых условий деятельности	Кому конкретно адресовано сообщение? Где/когда находится адресат? Что происходит вокруг? Кто виноват/ответственен? Чем грозит? Почему следует действовать (мотивирование)?	1. <u>Предметно-тематический анализ.</u> 2. <u>Оценочно-экспрессивный анализ.</u> Аффективный и когнитивный компоненты установки
Программа (план) действий	С кем / когда / где /как необходимо совершить действия? Какие и в какой последовательности?	<u>Целевой анализ</u> Поведенческий компонент установки
Система критериев	Как узнать, что желаемое достигнуто? Что изменится?	<u>Целевой анализ</u>
Цель	Зачем адресат должен это сделать?	

указывает на наличие острого социально-экономического конфликта между властью и населением страны. Оно направлено на эмоциональный и когнитивный компоненты психологической установки именно адресата. На это указывает использование манипулятивной стратегии эмоционального заражения с применением негативно-оценочных номинаций «негодяи», «уроды» и дальнейшая квалификация самим автором своей интенции словом «призыв». В нем он программирует поведение адресата (что делать?) на применение насильственных действий в отношении представителей власти с целью (зачем?) не только их смены, но и, как выражено в демотиваторе, влияния на принятие ими решений. Для этого он побуждает его вооружаться и убивать представителей власти: «...Пора за обрез братья и отстреливать их! Да это призыв, ...». Таким образом, в представленной информации отражается намерение автора (зачем автор этого хочет?) повлиять на все компоненты психологической установки адресата, выработать у него негативное эмоционально-смысловое отношение к представителям власти в стране, а также побудить к применению в отношении них насильственных действий с целью смены власти и влияния на принятие решений.

Интеграция системных характеристик объекта

Междисциплинарное взаимодействие в рамках системного подхода не сводится к параллельному или последовательному описанию языковых, речевых и психологических феноменов. Оно представляет собой синтез данных, в котором лингвистический анализ вскрывает объективированные следы (материальные индикаторы) коммуникативного акта, а функциональные блоки саморегуляции раскрывают порождение, передачу и воздействие сообщения. При этом лингвистическая экспертиза оперирует системными признаками текста как замкнутой системы, которые органично соотносятся с процессами саморегуляции психической активности. Так, интенциональность (намерение, целеполагание) и когерентность (смысловое единство) напрямую корреспондируют с блоками «Цель» и «Система критериев оценки», отражая осознанную направленность автора и ожидаемый результат, а также обеспечивая логическую и тематическую связность, подчиненную главной идее. Когеция (грамматико-лексическая связность) связывается как с «Целью», так и с «Моделью значимых условий», формализуя отношения между элементами текста. Ситуативность, информативность

и воспринимаемость относятся преимущественно к «Модели значимых условий»: они фиксируют контекст, роли, временные и пространственные параметры, передают знания о действительности в авторской интерпретации и учитывают когнитивные ограничения адресата. Интертекстуальность, будучи мультипараметрическим признаком, охватывает все блоки регуляции, демонстрируя включенность текста в глобальное текстовое пространство и сложное системное взаимодействие [16].

Однако представленное сопоставление отражает лишь статическую проекцию системного взаимодействия. Для обеспечения методологической целостности КПЛСЭ необходимо учитывать динамический механизм интеграции. Таким мостом между дисциплинами служит принцип знаково-символической опосредованности, позволяющий интегрировать лингвистический анализ внутри психологического через стадии вербализации осмысления положения дел [16, 17]. Данные стадии обеспечивают временную и смысловую последовательность, связывающую внутреннюю регуляцию автора с внешней знаковой системой. «Модели значимых условий деятельности» соответствуют описательно-информирующей и оценочной стадии вербализации, на которых фиксируется изменение оценки, описывается ситуация, определяется роль участников конфликта и собственная позиция автора. «Программа действий» соотносится с планирующей и побудительной стадиями, конкретизирующим желания, потребности, допустимые границы и последовательность действий. «Система критериев» соотносится с планирующей стадией, на которой обозначаются условия и признаки достижения желаемого результата. Наконец, функциональному блоку «Цель» вновь соответствуют планирующая и побудительная стадии вербализации, проявляющиеся в призывах, побуждениях или угрозах. Необходимо подчеркнуть, что диагностируемые системные характеристики информационного материала позволяют объективизировать применяемые автором механизмы воздействия, моделируемые им поведенческие реакции адресата и выступают методологическим основанием для реконструкции цели коммуникативной деятельности автора.

Таким образом, одни и те же признаки информационного материала описываются с позиций двух наук, что при экспертном анализе дает возможность интегрировать

полученные данные, всесторонне и полно раскрыть коммуникативную деятельность автора. Системный подход в данном контексте выступает не как абстрактная теория, а как рабочий инструмент, гарантирующий научную обоснованность, методическую прозрачность и доказательственную устойчивость КПЛСЭ. В то же время при анализе таких сложных объектов, как полимодальная информация, он расширяет аналитическое поле до «мультисистемности», позволяющей учитывать: поликодовость (сочетание текста, аудио, видео, эмодзи, тайм-кодов), в которой каждый канал несет самостоятельную регуляторную функцию, но работает в единой системе воздействия; виртуальную ситуативность (платформы, анонимность), искажающую традиционную «модель значимых условий» регуляции активности; алгоритмическую интенциональность (использование ИИ-генераторов, ботов, автодополнений), требующую дифференциации авторского целеполагания и машинной оптимизации; сетевую интертекстуальность (мемы, хэштеги, ремиксы, гиперссылки), формирующую нелинейные смысловые связи. В таких условиях коммуникации функциональные блоки саморегуляции сохраняют свою архитектуру, но дополнительно подвергаются внешнему влиянию. Например, «система критериев» адресата может опираться не на личное осмысление, а на реакцию цифровой аудитории (лайки, репосты, комментарии), что трансформирует механизм обратной связи и требует отдельного экспертного описания.

Для экспертной практики все вышесказанное может быть описано следующим алгоритмом действий: выявление лингвистических признаков → установление влияния на регуляторные блоки психической активности адресата → выявление цели / намерения / направленности автора → оценка соответствия юридически значимым признакам → формирование выводов.

Алгоритм синтеза результатов и формирование интегративных выводов

Присущий системному подходу принцип эмерджентности требует, чтобы синтез лингвистических и психологических данных происходил не путем сложения монодисциплинарных итогов, а через выявление системных закономерностей, описываемых в синтезирующей части экспертизы, их со-

вокупность [18]. Получаемый интегративный вывод представляет собой качественно новое знание, возникающее на стыке наук. С учетом моделей интеграции применения специальных знаний в комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизе, описанных Т.Н. Секераж, процедура формирования выводов определяется характером сочетания результатов лингвистического (Л) и психологического (П) анализов и требует выбора соответствующей методологической стратегии [13].

При очевидном (простом) совпадении результатов по обоим направлениям (Л+/П+ или Л-/П-) синтез не вызывает затруднений. В случае положительного соответствия (Л+/П+) эксперту достаточно зафиксировать совпадающие диагностические признаки, выявить системообразующий фактор и сформулировать категорический вывод. При отрицательном соответствии (Л-/П-) применяется параллельная или последовательная модель интеграции, в рамках которой проверяется полнота исследования, исключаются методические ошибки и констатируется отсутствие искомого признака, что оформляется в виде категорического отрицательного вывода.

Наибольшую методологическую сложность представляют ситуации расхождения дисциплинарных результатов. При сочетании отрицательного лингвистического и положительного психологического результатов (Л-/П+) требуется применение исключительно последовательно-параллельной модели с обязательным этапом совместной верификации. Алгоритм действий включает анализ причин расхождения с опорой на контекстуальный и интен-анализ, что позволяет выявить скрытые формы воздействия и сформулировать обоснованный положительный вывод. Напротив, ситуация положительного лингвистического и отрицательного психологического результатов (Л+/П-) указывает на методологический разрыв: выявленные языковые признаки не находят подтверждения в регуляторной структуре коммуникативного акта. В данном случае также применяется последовательно-параллельная модель, однако алгоритм расширяется за счет дополнительного анализа стадий вербализации осмысления положения дел. Если расхождение устранить не удастся, общий (комплексный) вывод не может быть сформулирован ввиду явной ошибки в анализе или недостаточности данных, что требует проверки исходных

материалов или привлечения дополнительных методов исследования.

При получении неопределенного результата, обусловленного фрагментарностью объекта, отсутствием коммуникативного контекста или неоднозначностью трактовки, эксперт фиксирует границы исследования, указывает на необходимость предоставления дополнительных материалов и формулирует вывод о невозможности решения поставленного вопроса в текущих условиях. Во всех случаях расхождений принцип эмерджентности исключает механическое сложение или выбор «наиболее подходящего» результата. Само расхождение рассматривается как диагностически значимый факт, требующий рефлексивного экспертного объяснения в соответствии с требованиями научной обоснованности, объективности и процессуальной достоверности.

На основе имеющихся методических рекомендаций и сложившейся экспертной практики в системе федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России возможно использование следующего алгоритма разрешения противоречий между лингвистическим и психологическим компонентами КПЛСЭ.

Этап 1. Идентификация точки расхождения: локализация фрагмента объекта, вызвавшего разночтения; фиксация конкретных признаков, интерпретация которых различается; документирование позиций каждого эксперта.

Этап 2. Контекстуальная реконструкция: восстановление коммуникативной ситуации (по Т.М. Дридзе) [15]; анализ прагматических условий порождения и восприятия сообщения; учет характеристик адресата и канала коммуникации.

Этап 3. Применение интегративных методов: использование метода семантической декомпозиции для выявления имплицитных смыслов, составление семантического протокола; соблюдение стадий вербализации осмысления положения дел для проверки логической последовательности; проведение интен-анализа для реконструкции целеполагания [19].

Этап 4. Синтез, оценка и принятие решения: определение степени соответствия: полное/неполное; указание на скрытые механизмы воздействия (при наличии); фиксация методологических ограничений и границ применимости экспертной оценки.

Заключение

Применение системного подхода к комплексному лингвистическому и психологическому исследованию объектов судебной экспертизы повышает научную обоснованность КПЛСЭ как инструмента доказывания. Построенный на его основе методологический каркас обеспечивает:

1. Четкое соотношение экспертизы с системой правоприменения.
2. Методологическое обоснование соотношения психологического и лингвистического компонентов в КПЛСЭ.
3. Интеграцию лингвистических и психологических знаний, дающую возможность глубокого анализа информационного материала как динамической систе-

мы регуляции коммуникативного поведения.

4. Алгоритмизированный синтез результатов, повышающий научную обоснованность выводов.

Последовательно-параллельная модель интеграции междисциплинарных знаний с описанием процедуры разрешения противоречий повышает объективность проведенных исследований и заключений эксперта. Таким образом, системный подход, реализуемый в комплексном психолого-лингвистическом анализе, является строгим научно-методическим инструментом, способным отвечать сложным экспертным задачам в условиях современных информационных конфликтов и цифровых коммуникаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Секераж Т.Н. Информационный материал как объект междисциплинарных судебно-экспертных исследований в контексте исследования «речевых правонарушений» // Юрислингвистика. 2024. № 32. С. 99–104. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3217](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3217)
2. Усов А.И., Карпукхина Е.С., Кузнецов В.О. Некоторые аспекты использования системного подхода к исследованию объектов судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 6–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-6-17>
3. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / под общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
4. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений: избранные психологические труды / под ред. В.П. Зинченко. 3-е изд., стер. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 687 с.
5. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. 196 с.
6. Судаков К.В. Информационное построение системной архитектоники психической деятельности // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2012. Т. 20. № 2. С. 35–49.
7. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.
8. Каган М.С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. 1973. № 6. С. 34–42.
9. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: научно-практическое пособие. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 283 с.

REFERENCES

1. Sekerazh T.N. Information Content as Subject of Interdisciplinary Research in the Context of Investigating Speech Offenses. *Legal Linguistics*. 2024. No. 32. P. 99–104. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3217](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3217)
2. Usov A.I., Karpukhina E.S., Kuznetsov V.O. Some Aspects of Applying a Systematic Approach to the Study of the Objects of Forensic Examination. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 6–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-6-17>
3. Bertalanffy L. von. General System Theory – A Critical Review. *Research on General Theory of Systems. Collection of Translations / V.N. Sadovskii, E.G. Yudin (ed.)*. Moscow: Progress, 1969. P. 23–82. (In Russ.).
4. Bernshtein N.A. *Biomechanics and Physiology of Movements: Selected Psychological Works / V.P. Zinchenko (ed.)*. 3rd ed. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2008. 687 p. (In Russ.).
5. Anokhin P.K. *Key Issues of Functional System Theory*. Moscow: Nauka, 1980. 196 p. (In Russ.).
6. Sudakov K.V. Construction Information System of Mental Architectonics. *I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 35–49. (In Russ.).
7. Konopkin O.A. *Psychological Mechanisms of Activity Regulation*. Moscow: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.).
8. Kagan M.S. On the Systematic Approach to the Systematic Approach. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1973. No. 6. P. 34–42. (In Russ.).
9. Korukhov Yu.G. *Forensic Diagnostics in Crime Investigation. Scientific and Practical Guide*. Moscow: NORMA-INFRA-M, 1998. 283 p. (In Russ.).

10. Эдзубов Л.Г. Системный подход в экспертизе // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы: Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка» / под ред. С.А. Смирновой. Часть II. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2012. С. 303–306.
10. Edzhubov L.G. Systemic Approach in Forensic Examination. *Encyclopedia of Forensic Science Theory. Multimodal Edition "Forensic Science: Reloaded"* / S.A. Smirnova (ed.). Part II. Moscow: RFCFS, 2012. P. 303–306. (In Russ.).
11. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
11. Safuanov F.S. How to Build Substantive Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 220–239. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
12. Секераж Т.Н. Методологические принципы исследования информационных материалов в судебной психологической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 26–39.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-26-39>
12. Sekerazh T.N. Methodological Principles of Information Materials Research in Forensic Psychology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 26–39. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-26-39>
13. Секераж Т.Н. Модели интеграции психологических и лингвистических знаний в судебных комплексных экспертизах // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 72–82.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-72-82>
13. Sekerazh T.N. Models for Integration of Psychological and Linguistic Knowledge in Complex Forensic Examinations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 72–82. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-72-82>
14. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 4-е изд., стер. М.: URSS, КомКнига, 2007. 211 с.
14. Leont'ev A.A. *Language, Speech and Speech Activity*. 4th ed. Moscow: URSS, KomKniga, 2007. 211 p. (In Russ.).
15. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: Наука, 1984. 268 с.
15. Dridze T.M. *Textual Activity in the Structure of Social Communication: Problems of Semiopsychology* / I.T. Levykin (ed.). Moscow: Nauka, 1984. 268 p. (In Russ.).
16. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России: ЭКОМ, 2011. 326 с.
16. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts in Cases Related to Countering Extremism*. Moscow: RFCFS: EKOM, 2011. 326 p. (In Russ.).
17. Воронина Л.В. Интерпретирующее восприятие, мыслительный мониторинг и коммуникативные сбои в процессе вербализации суждений о цели (в свете лингвистических взглядов У.Л. Чейфа) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 14–23.
<https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-4-14-23>
17. Voronina L.V. Interpretive Perception, Cognitive Monitoring, and Communication Failures in the Verbalization of Purpose Judgments (in the Light of W.L. Chafe's Linguistic Views). *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2022. No. 4. P. 14–23. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-4-14-23>
18. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. 108 с.
<https://doi.org/10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11>
18. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Method of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Examination on Cases Related to Counteraction to Extremism and Terrorism*. 2nd ed. Moscow: RFCFS, 2022. 108 p. (In Russ.).
19. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017. 151 с.
19. Pavlova N.D., Grebenshchikova T.A. *Intent Analysis: Basis, Procedure, User Experience*. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2017. 151 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бердников Дмитрий Валериевич – д. мед. н.,
начальник отдела судебных экспертиз по про-
изводству психологических и лингвистических
экспертиз ФБУ Курская ЛСЭ Минюста России;
e-mail: berdnikov@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Berdnikov Dmitry Valerievich – Doctor of
Medicine, Head of Forensic Linguistic and
Psychological Examination Department, Kursk
Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the
Russian Federation; e-mail: berdnikov@rambler.ru

Статья поступила: 05.03.2026

После доработки: 10.04.2026

Принята к печати: 30.04.2026

Received: March 05, 2026

Revised: April 10, 2026

Accepted: April 30, 2026